

М.А. Широкова

**Онтологические основания русского сознания
в философии А.С. Хомякова**

M.A. Shirokova

**Ontological Foundations of Russian Consciousness
in the Philosophy of A.S. Khomyakov**

Рассматриваются онтологические идеи родоначальника славянофильства А.С. Хомякова. В частности, выявляются его взгляды на первоначала мира, на соотношение «духа» и «вещества». Антитеза «духовное – вещественное» переходит в славянофильской философии в антитезу «свобода – необходимость», а разработка понятия свободы приводит мыслителя к проблеме власти и выявлению философских оснований политики у разных народов.

Ключевые слова: онтология, русская философия, славянофильство, сознание, власть, свобода.

The article deals with the ontological ideas of the founder of Slavophilism A.S. Khomyakov. In particular, it reveals his views on the basic principles of the universe, the correlation of the «spirit» and the «matter». In Slavophil philosophy antithesis «spiritual – material» turns into antithesis «freedom – necessity», and development of the concept «freedom» leads the thinker to the problem of power and to the identification of the philosophical foundations of politics in different nations.

Key words: ontology, Russian philosophy, Slavophilism, consciousness, power, freedom.

Всякая философская система так или иначе отвечает на вопрос: что есть мир и каковы его первоначала? Ответ на него во многом определяет все последующие философские и социально-политические построения любого мыслителя. Однако в работах славянофилов вопросы онтологии и космологии занимают весьма скромное место. Собственно онтологию мы можем обнаружить лишь у А.С. Хомякова – наиболее систематического мыслителя среди славянофилов. Но и у него она присутствует в виде отдельных замечаний, высказанных кратко и как бы между прочим. Причина в том, что онтология является той частью учения славянофилов, где их философские взгляды наиболее тесно смыкаются с богословскими. Славянофилы, по существу, заимствуют свою онтологию из православно-христианской патристики и лишь иногда, по необходимости, поясняют или «переводят» с богословского на философский язык некоторые положения своего учения о бытии. Тем не менее именно в высказываниях по вопросам онтологии у Хомякова и реже у других славянофилов начинается проработка таких важнейших для уяснения особенностей русского сознания понятий, как «власть» и «свобода».

Несмотря на фрагментарность и явную незавершенность онтологических построений Хомякова, нельзя не согласиться с В.В. Зеньковским в том, что «все это очень интересно» [1, с. 214]. Более или менее четкие онтологические выводы присутствуют, в частности, в одной из наиболее поздних статей Хомякова – письме Ю.Ф. Самарину «О современных явлениях

в области философии» (1860). Так, говоря об исходном пункте своей онтологии, Хомяков отказывается признать таковым материю, так как ее пришлось бы в этом случае мыслить бесконечной, как основу всего. Но понятие «бесконечного вещества» заключает в себе внутреннее противоречие, поскольку вещество дробимо, измеримо и, следовательно, всегда конечно. Непрерывное развитие, динамизм бытия, по Хомякову, «поглощает» его вещественность, и мир мыслится в терминах силы. Вещественность становится функцией силы. «Время есть сила в ее развитии, – писал Хомяков, – пространство – сила в ее сочетаниях» [2, с. 326]. Однако Хомяков признает, что «сила не имеет самостоятельности, а всегда обозначает свойство чего-либо другого», и в дальнейшем приходит к выводу, что «сила или причина бытия каждого явления заключается во всем». Но это «все» не есть механическая сумма, не есть итог явлений; по мысли Хомякова, «частное не итожится в бесконечном все, – и, наоборот, начало всякого явления заключается именно в этом все» [2, с. 335]. Таким образом, «все» (как целое) первичнее частных явлений, оно является корнем всего отдельного [1, с. 214–215]. Если выразить данный тезис в социально-политических терминах, то общество представляет собой нечто большее, чем простую сумму индивидов. Коллективное сознание есть источник сознания индивидуального, а не наоборот.

Это положение перекликается с основным принципом гегелевской диалектики, в соответствии с которым общее понятие берется дедуктивно, а затем просле-

живается его осуществление в действительности. Исходя из этого принципа, Гегель утверждает в своей «Философии права», что государство как идея разума, свободы и права в философском плане предшествует развитию гражданского общества, «в действительности государство есть вообще первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество» [3, с. 278]. У Хомякова же развитию гражданского общества и тем более развитию государства «в действительности» предшествует церковь, которая «с сотворения мира пребывает непрерывно на земле» [4, с. 6].

Если продолжить сопоставление взглядов Хомякова и Гегеля в области онтологии, то основоположник славянофильства, очень высоко оценивая «тонкий и строго диалектический ум» великого немецкого философа, категорически не мог принять его «полнейший и единственный в своем роде рационализм». Хомяков подчеркивал, что «Гегель мог довести и довел рационализм до крайнего предела», создав тем самым реальную возможность для трансформации немецкой идеалистической философии в ее противоположность – материализм. Немецкая «школа», как писал Хомяков, прошла путь от ее «начальника» Канта, который говорил: «Вещи (предмета) мы не можем знать в ней самой», – до ее «довершителя» Гегеля, говорящего: «Вещь (предмет) в себе самой не существует: она существует только в знании (понятии)». «Понятие» трактуется у Гегеля как абстрактная «понимаемость, возможность в предмете сделаться понятием. Иначе это понятие самосущее, независимо от понимающего и понимаемого, и в своем развитии ставящее и того и другого. Вся реальность в нем, и от него истекают все реальности, завершаемые духом... Кажется, далеко-далеко до материализма, а школа его перешла в материализм... так как переход от возможности к действительности... невозможен без предшествующей действительности» [6, с. 249–250]. Таким образом, по мнению Хомякова, поскольку для гегелевской философии оказались недоступны подлинные духовные основания бытия (непосредственный религиозно-ценностный опыт), то она неизбежно переродится в материализм, связь которого с духовным бытием вообще немислима с точки зрения религиозного сознания. Гегель фактически хотел «создать мир без субстрата» или, точнее, «искал невозможного субстрата в самосущем понятии о бытии, тождественном с ничтожеством» [6, с. 251]. А уже его ученики, стремясь все-таки представить «субстрат» более определенно, прямо «ухватились» за «вещество». «И вот самое отвлеченное из человеческих отвлеченностей – гегельянство... перешло в чистейший и грубейший материализм». Хомяков явно не только характеризует здесь учение наиболее известного на тот момент материалиста Фейербаха, но и предсказывает дальнейшее развитие «новонемецкого» материализма: «Вещество будет субстратом, а затем система Гегеля сохранится, т.е. сохранится терминология,

большая часть определений, мысленных переходов, логических приемов и т.д., сохранится, одним словом, то, что можно назвать фабричным процессом Гегелева ума» [6, с. 255]. Впрочем, славянофильский философ называет гегельянцев-материалистов «людьми действительно даровитыми, одаренными блестящим остроумием и не лишенными ни проницательности, ни диалектической способности». Но именно в руках таких людей философия превращается в грозное оружие. Отвлеченно-одухотворенная, но односторонняя мысль Гегеля необходимо приводит «по закону полярности» к «противоположной односторонности» материалистов, «точно так, как римский католицизм не мог не разрешиться в протестанство» [6, с. 256]. Упомянутый Хомяковым «закон полярности» фактически воспринят славянофильским автором у Платона: все, что совершается слишком или превышает свою меру, сопровождается как бы в виде возмездия великой переменной в противоположную сторону.

Критикуя материализм, Хомяков обращается к классическому вопросу философии: как возможен переход от предметного мира к духовному, от бытия к сознанию, «от вещества к мысли», есть ли у них общие первоначала? Он говорит, что «у Фейербаха судьба человеческого развития является без всякой связи с общему мировую жизнью...», т.е. мышление, с позиции его философии, есть «чистая случайность», никак не связанная со всем предшествующим развитием эмпирической реальности. Это положение материализма Фейербаха также рассматривается Хомяковым как закономерный результат отвлеченной философии Гегеля, в которой была еще «судьба» земная тесно и неразрывно связана со всемирным развитием. Славянофильский мыслитель, упрекавший всю западную рассудочную философию в «бесхарактерности», т.е. отсутствии ценностных оснований и в принципиальной неспособности разрешить нравственные вопросы, называет учение Фейербаха еще и «безвольным» и «бездуховным», отмечая, что человек в нем рассматривается как «полудуховное пятнышко в бесконечной толкотне грубо-вещественного мира» [5, с. 253]. Современный исследователь В.И. Холодный пишет: «Материализм, по Хомякову, был бы правомерен, если бы мог указать на переход от вещества к сознанию, и на этой основе не просто бы декларировал, а логически обосновывал единую для них субстанцию» [7, с. 100]. А поскольку материалистическая философия не способна этого сделать, материя никак не может быть признана первоосновой сущего.

Итак, сущее в славянофильской онтологии лежит за пределами познавательного анализа, оно онтологически первичнее явлений. Именно поэтому истинное познание доступно лишь «верующему мышлению». Сущее обладает свободой, ибо необходимость присуща лишь явлениям, а не их «корню», оно разумно – оно есть «свободная мысль», «волящий разум». Во-

лящий разум – это духовная субстанция, которая творит мир, но не «проявляется» в нем, не растворяется, не дробится на части, никогда не переходя из сферы свободы в сферу необходимости. Волящий разум есть средоточие, первопричина всех частных явлений. Будучи субстанцией, он обладает свободой, т.е. его существование и деятельность не зависят ни от каких внешних по отношению к нему факторов, а сам он «не переходит и не может перейти в явление, всегда предшествуя ему» [2, с. 340]. Свобода волящего разума, т.е. Бога, абсолютна, а «свобода не имеет проявления, ибо закон проявленного есть необходимость» [5, с. 217].

В истории человечества борьба между ориентацией на вещественную необходимость и на свободно творящий дух выразилась в формировании двух типов религии – «иранства» и «кушитства». «Свобода и необходимость составляют внутреннее зерно религий иранской и кушитской, – писал Хомяков, – и служат началом, с одной стороны, единобожию, с другой – всебожию (монотеизм и пантеизм)» [5, с. 203]. Первоначально все человечество исповедовало единого Бога, но затем, вследствие греховности человеческой природы, добровольного ухода человечества от свободы и устремления к оковам необходимости, произошла постепенная деградация верований: монотеизм у многих народов сменился пантеизмом, а тот, в свою очередь, – политеизмом.

«Простодушная» вера первобытных народов, как считал Хомяков, могла принимать свободную волю творящего духа за основу всего, но такая вера «исчезает при нелепом образе разноначальных поверий так же, как и в логическом построении отвлеченностей» [5, с. 217]. На последнее стоит обратить особое внимание. Хомяков считал, что логическое мышление способствует отходу человеческого духа от свободы и искаженному пониманию им всего мироустройства. «Нет сомнения, – писал славянофильский философ, – что логическое развитие мысли влечет человека к пантеизму, ибо логика есть соответственно наука проявлений, а свобода (корень единобожия) не проявляется или, проявившись, теряет свой характер» [5, с. 203].

Обращаясь в этой связи к теме грехопадения, Хомяков утверждает: «Человек был сотворен с полною свободою и с правом ею пользоваться, мир был чистым и выражением чистой божественной мысли. Злоупотребление человеческой свободы (т.е. произвол

человеческий) создало новый мир глубокого вещества и вещественной необходимости» [5, с. 227]. Иранство осталось религией, рассматривающей мир как продукт свободного творчества духа, признающей, по выражению Хомякова, «смелый догмат творения, основанный на коренной идее свободы» [5, с. 217]. Кушитство же подчинило как божественное, так и индивидуальное человеческое творчество законам необходимости, «органической и полярной как в мире физическом, так и в мире духовном» [4, с. 221].

Понятие свободного творчества выдвигается в онтологии Хомякова на первый план и имеет прямое отношение к учению философа об обществе и государстве. Ведь политика неразрывно связана с творческим началом, поскольку в политической сфере постоянно создается нечто новое, никогда ранее не бывшее. И, рассматривая понимание онтологического смысла творческого акта в различных вероучениях, древних и современных, Хомяков тем самым выявляет различные философские основания политики у разных народов.

Хомяков утверждает, что свободное творчество несовместимо с «внешним авторитетом», т.е. с властью. Власть, согласно онтологии Хомякова, есть «проявленная свобода», иначе говоря, – необходимость. И хотя философ, как и другие славянофилы, употребляет понятия «власть церкви» и «власть Бога», но отношения между Богом и человеком, между церковью и ее членом для него не являются собственно властными отношениями. Это не отношения господства и подчинения, но отношения любви.

По мысли славянофильского философа, властные отношения, будучи созданными не волей Бога, а свободной волей людей, изначально содержат в себе элемент безнравственности, поскольку представляют собой искусственную замену отношениям любви. Исходя из этого, славянофилы заявляли, что власть не может и не должна быть целью, предметом устремлений подлинно нравственного человека, равно как и нравственного народа. Но если общество в представлении славянофилов может обойтись без властных отношений, заменив их отношениями христианской любви и братства, то государство, необходимость которого все славянофилы ясно осознавали, без власти существовать не может. Отсюда – идея максимального «очеловечивания» власти, сближения политики и морали.

Библиографический список

1. Зеньковский В.В. История русской философии : в 2 т. – Л., 1991. – Т. 1, ч. 1.
2. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. : в 8 т. Т. 1. – М., 1900.
3. Гегель Г. Философия права. – М., 1991.
4. Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. – М., 1994. – Т. 2.
5. Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. – М., 1994. – Т. 1.
6. Хомяков А.С. О современных явлениях в области философии. Письмо к Ю.Ф. Самарину // Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М., 1995.
7. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: Зарождение и перспектива соборной феноменологии. – М., 2004.